

П.Н. Краснов

Исторические очерки Дона

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К77

К77 **Краснов П.Н.**
Исторические очерки Дона / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 50 с.

ISBN 978-5-518-02463-2

ISBN 978-5-518-02463-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исторический край бесконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы,
Подвергался не раз ты ударам судьбы,
Сын свободной великой державы...

Ты героев гнездо, где родился Ермак,
Где явился граф Платов, Бакланов,
Богатырь чародей, нагоняющий страх
На чеченцев и гордых османов...

Чулков.

I.

Давнее прошлое Юго-востока Европы. Степь. Первые ее насельники, о которых упоминает история — скифы. Греческие колонии. Город Танаиды. Хозарская крепость Саркелы. Половцы. Позднейшие раскопки. Греческие вазы с изображениями скифов.

Широкая, на тысячу верст, равнина между южными отрогами Уральского горного хребта и восточными окраинами Карпатских гор, перерезанная низовьями мощных полноводных рек Яика (Урала), Волги, Дона и Днепра — бесконечная, бескрайная степь — «Поле», с глубокими оврагами-балками, поросшими дремучими лесами — ворота, проходной двор народов Азии в Европу.

Ни высоких гор, ни скалистых хребтов, ни естественных оборонительных рубежей. Только реки, замерзающие зимою, с низкими левыми и возвышенными, в холмах, правыми берегами. Равнина, ширь. Простор необъятный.

Весной — синь небесная наверху, синь цветочная, степная внизу. Тюльпаны, лютики... Серебристый ковыль струит седые султаны по ветру. Простор и корма для табунов диких коней, для стад сайгаков и оленей, для зайцев. В балках всяким зверем полно. По степи дудаки-дрофы гуляют, стаи куропаток, перепелов. В небе льется непрестанная сладкая песня жаворонков. По степным озерам, по речным заводям и протокам — что птицы!.. Лебеди, дикие гуси, утки всевозможных пород. Гордо в небе парит царственный орел и голубая тень от его широко разметанных крыльев дрожит на ветром колышимою траве.

Летом от нестерпимого зноя погорит степь. Никнет к земле сухая желтобурая трава. Степной пожар палом пробежит по степи, до черна выжжет землю, избородит глубокими трещинами, щелями.

Под осень прольют дожди. Иголками зеленой яркой травы покроется погорелое место. Отдохнет, оживет птица и зверь. И вот уже готовится она к дальнему отлету. В сентябре, когда катит по степи сухое «перекати-поле» и плывет по воздуху серебряная липкая паутинка — слышно в небе глухое, будто гортанное, курлыкание журавлей,

несутся их стаи на юг. Тянут гуси и лебеди, понеслись утки, исчезли, умолкли жаворонки. Глубоко зарылся в балке в берлогу степной медведь. Сайгаки сбились в стада, хоронятся в затишке. Голодный волк воев в степи. Кричат по ночам шакалы.

А когда зимою дохнет из Сибирских просторов северо-восточный ветер, закружит снежным маревом, запуржит страшными буранами — вымрет степь. Мороз прочными мостами скует реки. Толстым саваном на сажень и больше покроется земля снегом. Жизнь притаится в степи. Тоццают и гибнут табуны. Крепким копытом роют снег кони, пробивают ледяной наст, гложут замерзшую, сухую траву, лижут холодную просоленную землю.

Мертвый, страшный край. Нет в нем жизни.

Таким рисовался он древним греческим и римским колонистам — страна скифов и сарматов. Историк Геродот сказал о нем: ...« в Скифии нет ничего достопримечательного, кроме рек, ее орошающих. Они велики и многочисленны»...

Конец света. Дальше — Гиперборейские страны — холод... мрак... Не отваживались итти туда ни греческий купец, ни римский воин-завоеватель. Теснились к берегам теплых морей — Азовского и Черного. Там ставили они свои торговые города, строили военные крепости для гарнизонов.

Римские историки, описывая этот край, указывают, что населяли его скифы и сарматы. Реку Дон называют они Танаисом и в низовьях его отмечают, в 9 верстах от устья реки Мертвого Донца, между теперешними селеньями Недвиговкой и Сенявкой греческий город Танаиды.

В недавнее время, уже при большевиках, профессор археологии Г. А. Миллер произвел раскопки около станиц Цымлянкой и Семикаракорской и нашел остатки большого города. Найдены были обломки керамики, по рисунку и клеймам сходные с греческими рисунками Византийской эпохи X — XII веков. Белые кирпичи фундаментов показали, что тут была большая крепость и много зданий: это остатки древнего хозарского городка Саркеллы. Хозары вытеснили до Рождества Христова скифов и стали в долине реки Дона и Донца.

Хозар вытеснили в свою очередь печенеги, затем половцы.

И ничего живого не осталось от первых насельников придонской земли. Ни людей, ни живого их языка, ни преданий, ни сказаний, ни песни, ни крови их, ни рода, ни племени.

Сухой мертвый рассказ летописцев о скифах, искусных наездниках, служивших в Римской войске и славившихся, как неустрашимая конница.

В Петербурге, в Эрмитаже хранились две художественные вазы: Чертомлыцкая, серебряная, тонкой работы, IV века до Рождества Христова, греками сработанная — и на ней изображения скифов, укрощающих диких коней и Кульобская ваза из электрона, смеси золота и серебра, — тоже греческой работы III — IV века до Рождества Христова, найденная близ Керчи, на ней тоже изображения скифской жизни.

Еще при раскопках на местах греческих колоний найдены были статуэтки, изображающие оленя, сраженного стрелой, женщин охотниц, обломки копий и стрел, женские уборы — все художественной греческой работы.

А люди? А их потомки? Их дети, внуки, правнуки — кровь отцов, скифов, гунов, аваров, венгров, хозар, печенегов, половцев, всех тех, кто давно, давно в стародавние времена населял Донские просторы? Куда девались они? Что случилось с ними?

Одни прошли через «Великие Европейские Ворота» на запад за Карпатские горы и там осели, изменив имена и обычаи. Другие бесследно исчезли и говорит о них лишь чужая Римская история, да находят мертвые останки их ученые археологи, чуть приоткрывающие перед нами завесу прожитых веков.

Что-же случилось с ними и почему они бесследно исчезли, не оставив своего семени?

II.

Нашествие татар. Батый. Разгром русских городов. Мамай. Куликовская битва. Димитрий Донской. Нашествие хана Тохтамыша на Москву. Тамерлан. Татарские царства и ханства на Востоке и Юго-востоке Европы. Татарское иго. Его последствия для Руси. Первые слухи о казаках.

Как сибирский зимний буран налетает на степные просторы, покрывает снежным покровом землю и убивает травы и листву, мертвит степь, так умертвили, уничтожили, без остатка избили людей, населявших низовья Яика, Волги и Дона татарские орды, в начале XIII века хлынувшие неудержимым потоком из Азии в Европу.

В 1224-м году на хозарскую крепость Саркеллы, на становища половецкие, повалили татары. Летописцы сказывают, что от поднятой татарскими ордами пыли потускнело и затмилось солнце. Ржанье тысяч коней, рев верблюдов, крик ослов, скрип тяжелых арбяных колес, голоса людей слились в немолчный гул. Точно море шумело, ревели и билось о скалы. На небольших, крепких, выносливых конях, вооруженные саблями, луками и стрелами татары раскинулись по степи бесконечными лавами и стали ставить свои кибитки.

Они шли волнами, волна за волной, все за собой уничтожая. Хан Батый (1238 г.) пошел на Русскую землю и потопил ее в крови. Летописец бесстрастно отмечает, что в Торжке татары перебили всех жителей, в Козельске — не только все взрослое мужское население, но и женщин и детей; в Переяславле половину жителей истребили, а другую увели в плен; в Киеве от большого цветущего города осталось не более 200 домов, в окрестностях валялось бесчисленное множество черепов и человеческих костей, разбросанных по полям; в городе Ладжиине, на Буге, сдавшееся население было поголовно истреблено. Во Владимире Волынском не осталось ни одного живого человека. Церкви были забиты трупами. За один февраль 1238-го года татары Батые взяли 14 городов, не считая слобод и погостов. Население, где могло, бежало в леса, страна обнищала и запустела.

Татарское иго нависло над Русской землей.

Прошло полтора столетия тяжелых¹ черных лет рабства под татарами. Мамаевы орды прочно стояли в «Поле», поставили свои села-«улусы». Русская жизнь исчезла. Летописец отметил: — «где прошел татарский конь, там трава не росла»...

Враждовавшие между собой Русские князья пришли, наконец, к единению, собрали большую рать и выступили против татар. 8-го сентября 1380-го года, на Куликовом поле, на реке Непрядве, под водительством князя Дмитрия Донского Русские нанесли татарам первое поражение. Это еще не была победа, она не дала желанной свободы от татарского ига, но Русские увидели, что с татарами можно сражаться и в будущем их можно будет победить.

И еще прошли жуткие годы неволи. В 1381-м году татарский хан Тохтамыш ворвался в Москву и учинил там кровавую расправу над жителями. Историк Костомаров так описывает это нашествие: когда татары ворвались в Кремль, наполненный беглецами, «несчастные москвичи, мужчины и женщины, дети метались в беспамятстве туда и сюда; напрасно думали они избавиться от смерти; множество их искало спасение в церквях, но татары разбивали церковные двери, врывались в храм и истребляли всех от мала до велика. По известию летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не иступились сабли. Все церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары — все было ограблено... ..Наконец, город был зажжен. Огонь истреблял тех немногих, которые успели избежать татарского меча... Страшное зрелище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были заставлены телами убитых. Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним»...

Подводя счет потерям, летописец отмечает: «погибло мало сказать — и тысяча тысяч!»

Через 14 лет, в 1395-м году на Европу, из глубин монгольских степей, с огромными силами двинулся покоритель Азии — Тамерлан. Европа замерла в ужасе, узнав о его приближении. Татары дошли до Ельца и повернули обратно.

Жуткие времена настали для южных и восточных границ Русских княжеств. Кругом стояли татарские силы, готовые каждый день обрушиться на Русь. На средней Волге утвердилось царство Казанское, по степям Яицким кочевала Ногайская орда, по низовьям Волги и на ее рукаве Ахтубе стало Астраханское царство, на Дону и Донце — огромная Золотая орда, в Крыму — Крымская орда, на Кубани — малая Ногайская орда...

Русские князья должны были платить татарам дань.

...«Свыше чем двухвековое общение с татарами», — повествует историк, — «постоянное соприкосновение с ними неизбежно привело к сильному огрубению нравов, к усвоению варварских понятий и привычек. В средние века два христианских народа, на двух противоположных окраинах Европы, терпели иго мусульманское: русские и испанцы; но последние находились в значительно лучших условиях: мавры принесли с собой высокую культуру, оставили после себя положительный след; они содействовали развитию знания и искусства и с избытком искупили нанесенный ими материальный вред; тогда как от татар Русский народ перенял, главным образом, жестокие пытки и кнут, рабское чувство низших перед высшими, привычку к произволу. Татары глушили чувства законности и нравственного долга и надолго грубую силу поставили выше закона»...

Русская женщина была заперта в терема, семья и мужа оторваны от благого женского влияния. Одежда стала походить на татарскую. Занятые татарами на востоке и на юге Русские были оттерты от запада. На западе в XV веке пышным цветом расцветала эпоха Возрождения — Россия как бы железной стеной была отгорожена от запада. Ни запад ничего не знал про таинственную Московию, подвластную татарам, ни Московия ничего не слышала про немецкие страны, про тамошнюю жизнь, про славные времена Возрождения наук и искусств.

Но эта шестивековая борьба (862 — 1462) России с кочевниками Азии — аварами, уграми, печенегам, половцами и монголами, бывшая величайшим бедствием Русских — является огромной заслугой Руси перед народами Западной Европы. Русские грудью своей отстояли Запад от страшных последствий татарского ига, приняв удары его на себя.

В те средневековые годы придонское «поле» носило название «Дикого Поля». Там кочевали татары, и горе было тому смельчаку, который вздумал-бы проникнуть в их улусы и зажить на их земле. Там не было европейцев, не было никаких потомков скифов и сарматов — там была только татарская орда.

Кто-же, однако, были «рязанские казаки», оказавшие своему роду Рязани помощь при столкновении с татарами в 1444-м году?

О ком пишет в Наказе великой княгине Рязанской Агриппине в 1502-м году великий князь Московский Иван III: «казнить тех, кто ослушается и пойдет самодурью на Дон в молодечество»?

Каких это «рязанских казаков» нанимала Великая княгиня Агриппина для провода ее людей к Азову для сношений с Крымским ханом, «которые бы на Дону знали, чтобы послать ее от заповянанья лиха никакого не было»?

Что-же это за люди были — казаки Рязанские и заповянанье, бесстрашно жившие и ходившие между татар по Дикому Полю?

III.

Кто такие были казаки? Отбор сильных и смелых. Жизнь в Диком Поле. Что обозначает слово казак? Как принимали всех казаки. Земля, заслуженная кровью многих поколений.

Разные то были люди, по разным причинам тянула их полная опасных приключений жизнь в Диком Поле.

Были люди, в ком «молодецкая сила живчиком по жилушкам переливалась», кого тянуло к вольной охотничьей жизни в дикой необъятной стране, богатой зверем, птицей и рыбой. Хотелось в волю пополевать, поиграть со смертью в схватках с татарами и победить смерть... Так шли русские и на Восток, в Азию, становились «землепроходцами», проходили неведомые страшные страны, доходили до Китая, бродили по берегам Ледовитого океана и открывали земли на Восточном океане. Так тянуло людей и на юг, к синему, никогда не замерзающему морю, к сказочным горам с серебряными, вечным снегом покрытыми гребнями. Там сбывалось то, что слышали они в

заманчивой старой, старой сказке! Не беда, что там их в каждой балке смерть сторожила, что татарская стрела могла поразить из за каждого куста. Тем заманчивее, тем привлекательнее был поиск.

Шли те, кого сломило тяжкое горе. У кого родных увели в полон татары, у кого татары убили близких, мать, жену, детей, кому стал не мил родной дом, кому стало — «либо в стремя ногой, либо в пень головой». Размыкать горе, отомстить татарам шли они в Дикое поле.

Еще шли те, кому не в моготу становились привитые татарами на Руси жестокие нравы, холопская неволя, угодниченье перед боярами и помещиками. — Они шли искать вольной жизни.

Позднее, когда крестьяне были прикреплены к земле, когда круче становился помещичий произвол над жизнью крепостного раба — уходили люди от этого рабства, бежали от помещика на юг — «К к а з а к а м... Н а Д о н»...

«С Дона» — слышали — «выдачи нет»!

Когда начались гонения за старую веру, за рукописные книги, когда Московская власть стала насиловать совесть людей, гнуть веру по своему, казнить и живьем сжигать не согласных с нею, пошли на северную окраину Дона, к рекам Хопру и Медведице, люди старого завета, потянулись и дальше — на реку Яик, становя там свои старообрядческие скиты и поселения. Твердые в вере, упорные, честные, трезвые и сильные то были новые насельники Дона и Яика.

Так и полнился Юг России пришлыми людьми.

Какие же это были люди?..

Уже самый путь, — долгий путь пешком, или в челноке по Дону и Донцу, реже на коне, на мало объезженной лошади, отнятой у татарина — был полон лишений и опасностей — редко кто мог его вынести. Доходили до казаков, становились казаками лишь самые крепкие и выносливые телом, самые волелюбивые, сильные и крепкие духом.

Не легка была и самая жизнь в Диком Поле. Полна лишений, тревог и опасностей. Татары были кругом. Каждый час могли наскать, порубить, уничтожить пришельцев. Каждый час нужно было быть готовым дать отпор, вступить в страшный рукопашный бой. Нужно было держать «уши буравцом, а глаза огнивцем» — все слышать и далеко видеть. Здесь выживали только сильные, воинственные, зоркие и храбрые.

Шли почти без оружия. Разве, что засапожный нож был при путнике. Оружие нужно было достать, добыть с боя. Приходили отрепанные, больные — все нужно было получить с боя от врага татарина: — «добыть, альбо дома не быть»...

Устраивались в землянках, в камышевых городках — некогда было строить хорошие курени — да и не стоило. В одночасье пожгут их татары. Питались охотой и рыбной ловлей — «с травы, да с воды». Неделями голодали; мерзли зимой; томились от зноя летом. Хлеба не сеяли. Уже больше двух сот лет стояли по Дону казаки, а все был запрет сеять хлеб, а кто будет сеять, то того казнить смертью — так казаки были всегда готовыми к бою, не думая о полях и урожаях. В песне казачьей и по сей день поется:

— «У нас, на Дону, да не по вашему —
Не сеют, не жнут, да не ткут, не прядут,
Не ткут, не прядут, а хорошо ходют...»

Как же было то, что казаки были в ту пору и одеты и вооружены и гордо говорили про себя: — «все земли нашему казачьему житью завидуют», или «у нас зипуны сермяжные — да умы бархатные»...

В огромном большинстве эти насельники Дона были Русские из Рязани и Москвы, были люди и с севера, из под Новгорода — так есть предание, что Ермак был родом из Новгорода, были и Черкасы-малороссы из Украины, приходили и поляки, и горцы Кавказа — грузины и черкесы, но главное население были Великороссы.

Но люди эти перерождались на Дону и становились только к а з а к а м и.

Долгая опасная путина на Дон закаляла их. Слабые отпадали. Поворачивая назад, отставали, гибли от болезней, от лишений, голода или от татарской сабли и стрелы. Так тяжкий молот лишений и опасностей выковывал стальные души казачьи. Становились «самодурью на Дону в молодечество» лишь те, кто не испугался угрозы Великого князя Московского Ивана III, что казнит их смертью. Происходил на Дону отбор самых лучших, самых крепких, выносливых и волелюбивых людей — рыцарей — казаков.

Враг был конный. Пришлось и этим людям садиться на коня. По татарски, так-же, как и по турецки легко вооруженный конный воин, без доспехов — панцыря, кольчуги и шлема назывался «гозак». Искаженное это слово и стало нарицательным для насельников Донских степей, и стали они называться везде и у себя и за пределами Дикого Поля — «к а з а к а м и».

Когда проходили те люди линию сторожевых Рязанских крепостей и засек, вступали в Дикое Поле и пробирались узкими тропками на юг, или плыли на челне в скором времени окликал их громкий голос с вышки и слышался могучий посвист:

— Гей! Что за человек?

— Человек я Божий, — отвечал обычно пришлец, — обшит я кожей, крыт рогожей.

— Гей!.. Сам вижу. Чего пришел искать?

— Счастья пришел я искать. Воли Божией, у вас, у казаков, у вольных людей.

— В Бога веруешь?

— Верую. Его молитвами и дошел.

— А ну, перекрестись!

И крестились все, кто приходил на Дон и Русские православные с Русскими именами и прозвищами и иных земель люди — Грековы — выходцы из Греции, Татариновы и Татаркины — пришельцы от татар, менявшие магометанскую веру на вольную казачью жизнь, Грузиновы, пришедшие из далекой Грузии, Персияновы из Персии, Черкесовы из черкесов, Сербиновы и Себряковы из сербов, Миллеры из немецкой земли, Калмыковы из калмыцких кочевников, Мещеряковы из мещерских татар, Поляковы и Яновы из Польши — всех обламывала казачья удалая жизнь, все равно становились Донскими казаками и забывали откуда и каким ветром занесло их предков на Тихий Дон в Дикое Поле.

Сильный, многочисленный, неистовый и жестокий враг был кругом. Бывали годы, когда в борьбе один на сто выбивалась сила казачья. Какая нужна была дисциплина, какое подчинение своему атаману-вождю, чтобы устоять в страшной неравной борьбе, какое нужно было товарищество — все за одного и один за всех, чтобы отстоять свое право на жизнь на Дону!

Вся Донская земля, каждый городок казачий от самого верху, от Хопра и Медведицы, до низовьев Дона и Донца до турецкой крепости Азова была густо залита кровью казачьей, каждая пядь земли была завоевана, заслужена большими победами и подвигами — подлинно кровью предков купленная земля, навеки нерушимо казачья земля!

— «Не сохами-то славная земляшка наша распахана,
Распахана наша земляшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земляшка казацкими головами»...

И еще поют казаки про свой, про Тихий Дон:

— «Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка;
Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивал.
А с Туретчиной по потылице шашкой острою век здоровкался,
А из года в год, степь Донская, наша матушка,
За Пречистую Мать Богородицу, да за веру свою православную,
Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала с супостатами»...

IV.

Военно-дозорные дороги. Казачьи городки — военный стан. Нижние и Верхние Раздоры. Донской атаман Сары-Азман — 1549г. Морские поиски казаков по Азовскому и Черному морям. Походный и Ватажный атаманы. Односумы. Крепость Азов. Морская тактика казаков. Основание Гребенского (Терского), Волгского и Яицкого войск.

Как же и чем жили казаки в те первые годы заселения Дикого Поля, когда число их не превышало несколько тысяч; в те далекие времена первой половины XVI века, когда Москва хотела их истребить за их молодечество?

Жили:

Степью широкой...
Степью необъятной...
Там!.. — на воле, на Тихом Дону!..

Скучно станет — на Волгу пойдем,
Бедно станет — и денег найдем,
Волга Матушка приютит,
Всех приласкает и всех одарит!..

Жили набегами, разбоем, жили войной... Жили — добычей...

Если пришельцы не плыли в Дикое Поле, опускаясь по рекам Дону, Донцу, Хопру и Медведице на челнах — они шли по шляхам — дорогам, положенным, вернее, — протоптанным вдоль этих рек. Дороги эти назывались «военно-дозорными». Главная, протоптанная из Москвы к Крымскому хану, шла по левой, ногайской стороне Донца. Она входила в Дикое Поле, возле речки Деркула, после шла вдоль

течения рек Глубокой и Калитвенец к Соколым горам. За Соколыми горами, за речкою Быстрою лежал первый казачий городок Раздоры Верхние. Нижние Раздоры, или «первая станица атаманская» находились под Кобяковым городищем.

Казачи ставили свои городки по течению больших рек. Городки эти были окружены тыном и терновыми плетнями, перед которыми были глубокие рвы. За тыном, ближе к городку, были валы с деревянными башнями по углам. Внутри такой крепости стояли большие избы, помещавшие по несколько десятков казаков. Иногда весь казачий городок состоял всего из нескольких таких изб-казарм. Возможно, что название Пяти-избянской станицы произошло от того, что когда то в ее городке стояло только пять изб-казарм. Это были в полном смысле военные станы с военным устройством. Этого требовала суровая жизнь в степи, где казаки были окружены врагами-татарами.

В эту пору, начала XVI века, Дон был пуст. Краковский каноник, оставивший по себе описание Сарматии так пишет о Диком Поле: ...«широко раскинулись степи Алании, покинутые, как Аланами, так и последующими пришельцами. Иногда их пересекают казаки, ищущие по обычаю своему «кого поглотити», ибо живут они грабежами, никому не подвластные и пробегают обширнейшие степи, объединяясь в шайки по 10, 20, 60 и более человек...»

В 1538-м году ногайский мирза Келмагмед жалуется Великому Князю Московскому Иоанну Васильевичу (впоследствии царю Ивану Грозному) на притеснения татар от казаков и тот отвечает ему: ...«лихих где нет?.. На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди, как вам тати, так и нам тати»...

Однако не просто-то «тати» были те казаки, иначе не пришлось бы одинадцать лет спустя, в июне 1549 года Юсуфу, князю Ногайскому жаловаться Царю Московскому Иоанну IV на грабеж, который учинили татарским купцам «казаки севрюки, которые по Дону стоят», а в октябре того же года писал он дополнительно: «холопи твои, некто Сары Азман, на Дону в трех и четырех местах города поделали, да наших людей и послов стерегут, да разбивают...»

В списке Донских атаманов, хранившемся в Донском музее, в Новочеркасске, под 1549-м годом значится первым Донским атаманом Сары - Азман... Кто он был?.. Возможно, что был он и татарин. «Сары-аз-ман» по татарски — «удалая голова»...

Сары-Азман поставил по Дону Верхние и Нижние Раздоры, Махин Остров на левом берегу Дона, в пяти верстах от нынешней Ольгинской станицы, Монастырский и Смагин городки в юрте нынешней Старочеркасской станицы.

Так «самодурью» пришедшие в Дикое Поле, «баловни» казаки завоевывали себе в кровавых боях место под солнцем, устраивались в диком богатом краю и, непризнанные Московскою властью, отрекающеся от них, и называющею их «татями» — ворами, — делали великое дело расширения русских пределов и их обороны.

«С травы да с воды» не проживешь. Нужна и одежда, нужны люди, чтобы ставить городки и обслуживать их, чтобы ходить за скотом, стеречь в степи табуны, нести всякую домашнюю, черную работу. Казак-воин, подобный западно-европейскому рыцарю — у него глав-

ное — война и набеги. У западно-европейского рыцаря были вассалы — его рабы; — у казака ту работу исполняли пленники — «ясыри» и пленницы — «ясырки»...

Наступал день, когда либо нужда заставляла, либо кровь казачья разыгрывалась в жилах молодца казака-атамана и вот, в праздничный день, выходил на площадь городка, на «майдан», статный молодец, скидывал с головы высокую шапку-трухменку из бараньей смушки, кидал ее на землю и кричал зычным голосом:

— Атаманы-молодцы, послушайте!.. На Сине море, аль на Черное поохотиться; на Куму, или на Кубань реку за ясырьми; на Волгу матушку рыбки половить, иль под Астрахань, на низовье за добычью; иль в Сибирь пушных зверей пострелять...

— Эге! — раздавалось в казачьей толпе. — Это кто-же гутарит то?.. О чем речь-то?..

— Иван Богатый кличет чего-й то.

— Иван Богатый?.. Ин быть делу!..

Шапка за шапкой скидывались с лохматых, чубатых голов и бросались на землю. Шире становился круг казаков около первого, бросившего свою шапку, выше поднималась и гора шапок. Несколько сот казаков соглашалось итти в поиск.

— Ну, разбирай, атаманы-молодцы, шапки и айда Богу молиться.

Церквей в городках тогда еще не было, но на площади стояла часовня-голубец; пропоят казаки около нее молитвы, какие знают и идут в станичную избу, обсудить за чаркою вина поход и избрать походного атамана.

— Кому-же и быть походным то, как не ему?.. Ивану Богатому!.. — раздавались голоса.

— Быть так!..

— В час добрый!..

Избрав походного атамана, приступали к выборам «ватажных» атаманов, писаря, разбивались на звенья, казаки подбирали себе «односумов», с кем питаться из одной сумы, кого в бою держаться как опоры.

И с того дня жизнь городка преображалась. Куда девались пьяные гулёбщики казаки, что целыми днями шатались по майдану, играли «в зернь», да затевали драки. Все слушало приказ атамана. Его власть была огромная. Малейшее неповиновение, да что неповиновение, — просто неуважение ему и — «в куль да в воду», или «посадя на землю забить его стрелами» — смертная, лютая, позорная казнь!..

Первые большие набеги казаков были морские. На легких «чайках» ододеревках, спустясь вниз по Дону, в плавнях построят большие парусные «будары», приспособленные и к ходьбе на веслах. Каждая такая будара вмещала 60 — 100 человек казаков и айда в Азовское море и оттуда в Черное. Для большей устойчивости лодок от морской волны и для укрытия от неприятельских стрел борта лодок обшивались камышевыми щитами. На дне ставили бочки с пресною водою, боченки с соленою рыбою, мешки с сухарями и сушеною рыбой.

Без компаса и без морских карт, опознаваясь днем по солнцу, ночью по звездам, без секстана, шли казаки поперек Черного моря, к берегам Анатолии. Доходили до Босфора, грабили окрестности Кон-